

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Е. И. КИЙКО

БЕЛИНСКИЙ И ДОСТОЕВСКИЙ О КНИГЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839»

В 1839 г. Россию посетил французский аристократ, в то время уже известный путешественник, маркиз Адольф Кюстин, отец и дед которого погибли на эшафоте во время французской революции, осужденные в 1793 г. революционным трибуналом.

По словам Кюстина, он ехал в Россию «искать аргументы против представительного образа правления», но вернулся из поездки «приверженцем конституции» (I, XIX).¹ Свои впечатления и наблюдения Кюстин изложил в книге «Россия в 1839», составленной из тридцати шести писем, адресованных разным лицам. Первое издание книги вышло в 1841 г., однако широкую известность приобрело ее второе просмотренное, исправленное и дополненное издание, вышедшее в Париже в 1843 г. Второе издание книги Кюстина получило распространение и в России, несмотря на то что ввоз ее был строжайше запрещен. Впоследствии П. В. Анненков писал в литературных воспоминаниях, что книга Кюстина «читалась у нас повсеместно и возбуждала характеристикой некоторых лиц и событий саркастические толки втихомолку, очень невинные, но очень беспокоившие, однако же, административных людей эпохи».² Этот факт отмечал и А. И. Герцен в книге «О развитии революционных идей в России» (1851): «... иметь у себя запрещенные книги считалось образцом хорошего тона. Я не знаю ни одного приличного дома, где бы не

---

¹ La Russie en 1839 par le Marquis de Custine, Seconde edition, revue, corrigée et augmentée, tt. 1—4, Paris, 1843. Здесь и далее цитаты приводятся в русском переводе с указанием тома и страницы этого издания.

² Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960, с. 256—257.

нашлось сочинения Кюстина о России, которое было запрещено специальным приказом Николая».³

Сам Герцен прочитал записки Кюстина о России в конце октября 1843 г., о чем свидетельствует отзыв о них в дневнике: «Пробежал IV том Кюстина. Без сомнения, это самая занимательная и умная книга, писанная о России иностранцем. Есть ошибки, много поверхностного, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий ловить на лету, умеющий по нескольким образчикам догадаться о массе. Всего лучше он схватил искусственность, поражающую на всяком шагу, и хвастовство теми элементами европейской жизни, которые только и есть у нас для показа. Есть выражения поразительной верности: «Un empire de façades... la Russie est policée, non civilisée...»⁴ <...> Горько улыбаешься, — продолжал Герцен, — читая, как на французского действовала беспредельная власть и ничтожность личности перед нею; как он прятал свои бумаги, боялся фельдъегеря и т. д.» (II, 311—312).

Протест против самодержавного образа правления и деспотизма, пронизывавший книгу, весьма нелестные характеристики Николая I и его ближайшего окружения, делали сочинение Кюстина чрезвычайно популярным в передовой части русского общества и вызвали негодование в придворных кругах. Николай I, прочитав книгу, бросил ее на пол и сказал: «Моя вина, зачем я говорил с этим негодяем».⁵ По распоряжению Николая I в некоторых европейских странах (в Германии, Франции) вышли разнообразные опровержения — книги и брошюры, авторы которых защищали Николая I и государственный строй России от нападок Кюстина.⁶

Однако еще Герцен, просмотрев IV том сочинения Кюстина о России, отметил и «ошибки» автора. «На Петра он смотрит с точки зрения славянофилов — судит слишком резко, во многом справедливо, но без глубокого исторического смысла, — такие события, как петровский переворот, должно брать шире и общее» (II, 312), — утверждал Герцен. Впоследствии, ознакомившись с путевыми записками Кюстина о России в полном объеме, Герцен писал в статье «Россия» (1849), что французский путешественник избрал в своей книге главным предметом изображение сферы

---

³ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 213. Далее цитаты из сочинений Герцена приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

⁴ «Империя фасадов... Россия — государство полицейское, но не цивилизованное» (франц.).

⁵ Записки Ив. Головина. Лейпциг, 1859, с. 93.

⁶ Об этом см.: Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. СПб., 1909, с. 141—152; см. также: Гессен С., Предтеченский Ан. Маркиз де Кюстин и его мемуары. В кн.: Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930, с. 5—33.

официальной жизни России, которую он сам так превосходно называет «миром фасадов», и при этом «не только пренебрег образом жизни русского народа (от которого всегда держался в отдалении), но он также не узнал ничего о мире литературном и научном, ему гораздо более близком; умственное движение России было ему известно столь же мало, как его придворным друзьям, не подозревавшим даже, что существуют русские книги и люди, которые их читают...» (VI, 197). О национальной гордости русской литературы, о Пушкине, о котором Кюстин до своей поездки ничего не знал, он высказался с пренебрежением, что также было отмечено Герценом в указанной выше статье: «„Поэт без инициативы“ — отзывается о нем почтенный маркиз и, забывая, что говорит не о французах, добавляет: „Русские вообще не способны ясно понимать что-либо глубокое и философское“. Можно ли после этого удивляться тому, что Кюстин кончает свою книгу точно так же, как начал ее, — утверждением, что двор — это всё в России?» — восклицал Герцен (там же).

«Ошибки» и «преувеличения» в книге «Россия в 1839», отмеченные Герценом, не были случайными: они отражали политические взгляды ее создателя. Так, ратуя за конституцию, Кюстин тем не менее считал, что во главе государства должна стоять аристократия нового типа. «Аристократия, как я понимаю ее, — писал он, — отнюдь не вступая в союз с тиранией ради порядка, в чем ее упрекают демагоги, неверно судящие о ней, не может существовать наряду с произволом. Ее миссией является защита, с одной стороны, народа от деспота, с другой — цивилизации от революции, самого страшного из тиранов» (IV, 333). В идеальном, с точки зрения Кюстина, государстве правящая аристократия должна опираться на независимую, т. е. католическую церковь. «Аристократия является правительством независимых умов», а «католицизм — религия свободных священников» — утверждал Кюстин, и при этом подчеркивал незыблемость своей точки зрения: «Тут и спорить не о чем» (IV, 335).

Книга Кюстина, получившая столь широкое распространение в России, не могла не привлечь внимание Белинского. Ю. Г. Оксман считает, что критик мог с ней познакомиться еще осенью 1843 г.⁷ Однако до сих пор исследователи не указали ни одного факта, по которому можно было бы судить об отношении Белинского к запискам французского путешественника. Несомненно, что протест против самодержавия и всех его проявлений, утверждение Кюстина, что «военная дисциплина господствует в России» (I, 252), что, по его впечатлению, «тень смерти реет над этой частью земного шара» (I, 253), были восприняты Белинским с сочувствием. В то же время у критика революционного демо-

---

⁷ Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., Гослитиздат, 1958, с. 356.

крата не могли не вызвать отпора аристократические пристрастия автора книги, а также непрерывно варьирующаяся им мысль, что Россия «страна без национальности» (I, 343), которую Петр I, нарушив исторические законы, повел по ложному пути.

Эти точки зрения Кюстина перекликались с некоторыми сторонами славянофильских теорий, с которыми Белинский вел ожесточенную борьбу, так как они, по его справедливому убеждению, тормозили прогрессивное развитие России. Аристократические и имеющие оттенок славянофильства воззрения Кюстина представляли для Белинского тем большую опасность, что они были высказаны в книге, читавшейся с сочувствием в передовых кругах русского общества, представителей которых критик стремился сделать единомышленниками.

По цензурным условиям Белинский не мог вступить в открытую полемику с Кюстином, однако он возражал автору книги «Россия в 1839», не называя его имени, в статье «Петербург и Москва» (1844). Правда, в статье есть одна фраза, информирующая читателя о том, что Белинский знаком с мнением иностранцев, которые, приезжая в Москву, приходят в изумление от ее неповторимого своеобразия. «Для русского, — пишет Белинский, — который родился и жил безвыездно в Петербурге, Москва так же точно изумительна, как и для иностранца».⁸ Это замечание полностью соответствует характеристике, которую дал Москве в своей книге Кюстин. «Этот первый взгляд на столицу Славянской империи, которая блистательно возвышается среди холодных пустынь христианского Востока, производит незабываемое впечатление. Перед вами открывается грустный, но величественный, как океан, пейзаж и, словно для того чтобы оживить эту пустыню — поэтический город, архитектура которого не имеет названия, как она не имеет и образца» (III, 132, ср. с письмами №№ 24—29).

Выступая в статье «Петербург и Москва» против славянофильских теорий, Белинский выделил те их аспекты, которые нашли поддержку и у Кюстина.

Так, Кюстин в своей книге подверг критике подражательный характер русской цивилизации, хотя и сделал это с иных позиций, чем славянофилы.⁹ «Здесь чрезвычайно легко обмануться

---

⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 390. Далее цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы.

⁹ Нападки Кюстина на русскую православную церковь, его утверждение, что только независимые, как он пишет, католические священники могут поддерживать нравственные устои общества, отрицание французским путешественником существования в России народных «исконных начал», как их понимали славянофилы, встретили в их среде отпор. Один из основоположников славянофильской доктрины, А. С. Хомяков, выступил в 1845 г. против книги Кюстина со специальной статьей «Мнение иностранцев о России» (имя автора и название сочинения в статье не

видимостью цивилизации <...> я не упрекаю русских в том, что они таковы, каковы они есть; я порицаю только их стремление казаться такими же как мы, — писал Кюстин. — Они еще некультурны; это состояние по крайней мере допускает возможность надеяться; но я замечаю у них постоянное желание подражать другим нациям, и они им подражают, как обезьяны, насмехаясь над тем, что копируют. И я говорю себе: вот люди, переставшие быть дикарями, но и не приобщившиеся к цивилизации» (I, 303).

Подражательный период русской истории начался с царствования Петра I, построившего Петербург и сделавшего этот город столицей России. Основание Петербурга было трагической ошибкой Петра I, которую следовало бы, по мнению Кюстина, исправить Николаю I, «перенеся императорскую резиденцию в Кремль». Несмотря на усилия Петра I, даже внешние признаки европейской цивилизации, утверждал Кюстин, обнаруживаются только в Петербурге и поэтому, с его точки зрения, «с каждым шагом, который иностранец делает по дороге из Петербурга в Москву, Россия с ее безграничной территорией, с ее громадными земледельческими ресурсами растет в его глазах по мере того, как Петр Великий умалется» (III, 270—271). Кюстин считал, что Петербург должен быть не более как «простым военным портом из гранита, великолепной кладовой для торговли между Россией и Западом, тогда как, с другой стороны, Казань и Нижний служили бы ступенями между Россией и Востоком» (III, 272). С точки зрения французского путешественника, России следует сделать все возможное, чтобы утвердиться на Черном море и завоевать Константинополь, который послужит «воротами на пути между Москвою, святым русским городом, и миром» (III, 272—273).

Очевидно, Белинский имел в виду именно эти суждения Кюстина, когда писал в статье «Петербург и Москва»: «... Москва, уже по самому своему положению в центре Руси, не могла соответствовать видам Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря. Но моря у него не было, потому что берега Северного и Восточного океана и Каспийское море несколько не могли способствовать сближению России с Европою. Надо было немедленно завоевать новое море. Два моря он мог иметь в виду для завоевания — Черное и Балтийское». Далее Белинский пояснял, почему Петр I не мог начать с завоевания Черного моря. Для этого ему нужно было, писал критик, «иметь Малороссию в своем полном подданстве, а не под своим только верховным покровительством <...> Кроме того, ему нужно было отнять у турков Крым и взять в свое владение обширные

приводилось). Там он писал, что Кюстин, отправляясь в путешествие, не запасся «ни малейшим чувством благоговения к той стране», которую он намерен был посетить («Москвитянин», 1845, № 4, с. 27).

степные пустыни, прилегающие к Черному морю, а взять их во владение значило — населить их: труд несвоевременный! и притом к чему бы повел он? Столица на берегу Черного моря сблизила бы Россию не с Европою, а разве с Турциею <...> Не такие виды представляло Балтийское море. Прилежащие к нему страны исстари знакомы были русскому мечу; много пролилось на них русской крови, и оставить их в чужом владении, не сделать Балтийского моря границею России значило бы сделать Россию навсегда открытою для неприятельских вторжений и навсегда закрытою для сношений с Европою» (VIII, 386).

Предлагая перенести столицу в Москву, Кюстин исходил из убеждения, что Петр I построил Петербург вопреки национальному укладу русской жизни, нарушая законы природы, повинаясь только своей собственной воле. Он писал, что «эта столица не имеет корней ни в истории, ни в почве», что она — «искусное создание гордости и воли» Петра I и что «рано или поздно вода отомстит своеволию человека» и затопит Петербург (I, 264, 285).

Белинский не возражал Кюстину, что Петербург обязан своим существованием «воле» Петра I. Напротив, он доказывал, что «воля одного человека победила и самую природу» (VIII, 387). Исходя из своего понимания роли гениального исторического деятеля, Белинский разъяснял Кюстину, а вместе с тем и русским читателям его книги, что в данном случае проявление «воли» Петра I соответствовало исторической необходимости, а основание Петербурга было вызвано потребностями прогрессивного развития Русского государства. «Несмотря на всю деятельность, которой история не представляет подобного примера, Петербург, оставленный Петром Великим, был слишком бедный и ничтожный городок, чтобы о нем можно было говорить как о чем-то важном, — писал Белинский. — Казалось, этому городку, *обязанному своим насильственным существованием воле великого человека*,¹⁰ не суждено было пережить своего строителя <...> Но здесь-то и является во всем блеске творческий гений Петра Великого <...> Петербург не мог не продолжаться, потому что с его существованием тесно было связано существование Российской империи, сменившей собою Московское царство. И рос Петербург не по дням, а по часам» (VIII, 388). В другом месте статьи Белинский как бы отвечал Кюстину на его предложение, чтобы Николай I перенес столицу России в Москву. Критик утверждал, что «такие дела не так легко затеваются и исполняются», и далее пояснял свою мысль: «Был человек, который имел не только власть, но и силу сотворить чудо, и был миг, когда эта сила могла проявляться в таком чуде и потому — для нового чуда в этом роде потребуются опять два условия: не только человек, но и миг» (VIII, 395). Петр I стал гениальным государственным деятелем

---

¹⁰ Курсив наш, — Е. К.

потому, что проявление его субъективной воли соответствовало историческим потребностям России — таков вывод критика-демократа, полемически направленный против проектов французского путешественника, порожденных его «праздной фантазией».

Мысль о том, что начатое Петром I преобразование Московского царства с заимствования не затронуло глубинную сущность народной жизни и не вывело Россию в число цивилизованных государств, Кюстин развивал на протяжении всей книги. Он утверждал, что Петербург, «построенный для не существующего нигде народа» (II, 90), представляет собою механическое соединение чужеродных элементов. Этот город, писал Кюстин, «был создан богатыми людьми, ум которых развивался на сравнении, без глубокого изучения, разных стран Европы» (II, 90). Кюстин полагал, что русские благодаря реформам Петра I вместе с национальной самобытностью утратили и созидательную активность. С его точки зрения, «русские это — римляне Севера. Те и другие заимствовали свои знания и искусства у иностранцев» (II, 100).

Белинский не отрицал, что преобразование России Петр I начал с заимствования. Но в отличие от Кюстина и русских славянофилов он считал, что этот процесс, обусловленный особенностями исторической судьбы России, носил национальный характер. «Говорят, что Петербург, — писал Белинский, — выражает собою только внешний европеизм. Положим, что и так; но при развитии России, совершенно противоположном европейскому, т. е. при развитии сверху вниз, а не снизу вверх, *внешность* имеет гораздо высшее значение, большую важность, нежели как думают <...> Что ни говори, а даже и фрак с сюртуком — предметы, кажется, совершенно *внешние*, не мало действуют на *внутреннее* благообразие человека» (VIII, 395—396). В ответ на рассуждения Кюстина о том, что Петербург был построен «искусственною нациею, отборным кругом сметливых и ловких людей, нанятых среди всех наций света», во главе которых стоял Петр I (II, 90), Белинский писал: Петр I был «ученик Европы», однако «он остался русским в душе, вопреки мнению слабоумных, которых много и теперь, будто бы европеизм из русского человека должен сделать нерусского человека и будто бы, следовательно, все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта» (VIII, 386).

Будущее России Кюстин связывал с расцветом Москвы, архитектура которой и весь уклад жизни соответствовали, с его точки зрения, азиатской сущности русского государства. «Когда русские в средние века, — писал Кюстин, — закладывали Кремль, они умели находить архитектурные формы, соответствовавшие их стране и национальному духу» (I, 346).

В Москве Кюстин с удовлетворением находил приметы старины и с возмущением отзывался о предстоящей перестройке

кремлевского дворца (III, 275). В противовес Кюстину Белинский подчеркнул, что Москва развивается вместе с развитием всего русского государства. «Москва гордится своими историческими древностями, памятниками, она — самая историческая древность и во внешнем и во внутреннем отношении! Но как она сама, — утверждал критик, — так и ее допетровские древности представляют странное зрелище смеси с новым: от Кремля едва остался один чертеж, потому что его ежегодно поправляют, а в нем возникают новые здания. Дух нового веет и на Москву и стирает мало-помалу ее древний отпечаток» (VIII, 393). Расцвет древней столицы Белинский связывал с ее прогрессивным развитием и постепенным превращением в центр «внутренней промышленности». «И то ли будет она в этом отношении, — восклицал он, — когда железная дорога соединит ее с Петербургом, и, как артерии от сердца, потянутся от нее шоссе в Ярославль, в Казань, в Воронеж, в Харьков, в Киев и Одессу...» (VIII, 393). Исследователи уже отмечали полемический характер статьи Белинского «Петербург и Москва». Сделанные сопоставления позволяют утверждать, что среди идейных противников критика — революционного демократа был и автор книги «Россия в 1839», маркиз де Кюстин. Не исключена возможность, что критическое отношение к этой книге Герцена в том виде, как оно было высказано в статье 1849 г. «Россия», сложилось в какой-то мере под влиянием Белинского, впервые указавшего на опасные тенденции обнаруживавшиеся в суждениях Кюстина о перспективах исторического развития России. Противопоставляя внутренние интересы России общеевропейской цивилизации и прогрессу, видя проявление национальной самобытности в сохранении азиатских форм быта, Кюстин тем самым идеализировал патриархальную неподвижность и исторический застой в стране, по которой он путешествовал.

О том, что книга «Россия в 1839» на протяжении ряда лет была активным фактором общественной жизни России свидетельствуют также полемические отклики на некоторые высказанные в ней идеи в одном из фельетонов «Петербургской летописи» (СПб. Ведомости, 1847, № 121, 1 июня) Достоевского. Достоевский, так же как и Белинский, не называл имя Кюстина, однако не возникает сомнений в том, что автор «Петербургской летописи» имел в виду именно эти путевые заметки. «Не помним, когда-то случилось нам прочесть одну французскую книгу,¹¹ — писал Достоевский, — которая вся состояла из взглядов на современное состояние России. Конечно, уже известно, что такие взгляды иностранцев на современное состояние России, как-то: упорно

---

¹¹ Книга Кюстина «Россия в 1839» была знакома и петрашевцам, о чем свидетельствует упоминание о ней в показаниях М. В. Петрашевского (см.: Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 70).

не поддаемся мы до сих пор на обмерку нас европейским аршином. Но несмотря на то, книга пресловутого туриста прочлась всей Европой с жадностью».¹²

Возражения Достоевского вызвали те же суждения автора книги «Россия в 1839», с которыми полемизировал и Белинский в статье «Петербург и Москва». Как и критик-демократ, Достоевский уловил сходство некоторых идей Кюстина со славянофильскими теориями. Он писал: «... как ловко, себе неведомо разумеется, стакнулся француз с некоторыми, не скажем русскими, но досужными, кабинетными идеями нашими. Да, француз именно видит русскую национальность в том, в чем хотят ее видеть очень многие настоящего времени, т. е. в мертвой букве, в отжившей идее, в куче камней, будто бы напоминающих древнюю Русь, и, наконец, в слепом, беззаветном обращении к дремучей, родной старине».

Достоевский, как и Белинский, опровергал точку зрения Кюстина, который смешивал представления о национальной самобытности с патриархальными обычаями. В «Петербургской летописи» в связи с этим сказано, что французский путешественник «проклинает дрожки-пролетки затем, что они удалились от древней, патриархальной линейки, и таким-то образом, говорит он, исчезает в России все родное и национальное. Смысл выходит тот, что русский стыдится своей народности затем, что не хочет ездить по-прежнему, справедливо опасаясь как-нибудь вытрясти душу в патриархальном своем экипаже».

Свое отношение к историческому прошлому России и к ее будущему Кюстин обнаружил, сравнивая Петербург с Москвой и при этом отдавая предпочтение древней столице. Эту тенденцию уловил Белинский, который, основываясь на объективных фактах, пришел к выводу: «Петербург так же нужен России, как и Москва, а Россия так же нужна для Москвы, как и для Петербурга» (VIII, 411).

Сравнительная характеристика Петербурга и Москвы, сделанная Кюстином, не удовлетворила и Достоевского. Так, полемика с Кюстином чувствуется уже в той части «Петербургской летописи», где ее автор излагал точку зрения французского путешественника на архитектуру Петербурга и Москвы. «... между прочим сказано было, — писал Достоевский, — что нет ничего бесхарактернее петербургской архитектуры, что нет в ней ничего особенно поражающего, *ничего национального* и что весь город

---

¹² Тот факт, что Достоевский в фельетоне «Петербургской летописи» от 1 июня 1847 г. полемизировал с книгой Кюстина «Россия в 1839», до сих пор не был отмечен исследователями. В книге: Cadot, Michel. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839—1856) (Fayard, 1967, с. 241—242) приведен только отклик на это сочинение в статье Достоевского 1861 г. (см.: Ряд статей о русской литературе. Введение. — «Время», 1861, № 1, с. 4—5).

одна смешная карикатура некоторых европейских столиц; ¹³ что, наконец, Петербург хоть бы в одном архитектурном отношении представляет такую странную смесь, что не перестаешь ахать да удивляться на каждом шагу <...> Затем наш турист рассыпается в уважении к Москве за Кремль, говорит по случаю Кремля несколько риторических, витиеватых фраз, гордится московской национальностью...»

Возражая Кюстину, Достоевский доказывал, что один Кремль не может олицетворять собою русскую национальность, хотя бы потому, что народ в силу особых причин не знает его истории и не понимает свои памятники старины. «Скажут, — писал Достоевский, — народ русский знает московский Кремль, он религиозен и стекается со всех точек России лобызать мощи московских чудотворцев. Хорошо, но особенности тут нет никакой; народ толпами ходит молиться в Киев, на Соловецкий остров, на Ладожское озеро, к Афонской горе, в Иерусалим, всюду». Кроме того, Достоевский полагал, что Кремль, этот «весьма почтенный памятник давно минувшего времени», принадлежит к таким национальным памятникам, «которые переживают свое время и перестают быть национальными». С другой стороны, Петербург, по мнению Достоевского, — это каменная летопись русской истории в ее прошлом и настоящем. «Здесь что ни шаг, то видится, слышится и чувствуется современный момент и идея настоящего момента. Пожалуй: в некотором отношении здесь всё хаос, всё смесь; многое может быть пищею карикатуры; но зато всё жизнь и движение. Петербург и глава, и сердце России. Мы начали об архитектуре города. Даже вся эта разнохарактерность ее свидетельствует о единстве мысли и единстве движения, — писал далее Достоевский, имея в виду рассуждения по этому поводу Кюстина. — Этот ряд зданий голландской архитектуры напоминает время Петра Великого. Это здание в расстреллиевском вкусе напоминает екатерининский век, это в греческом и римском стиле, позднейшее время, но все вместе напоминает историю европейской жизни Петербурга и целой России».

Так же как и Белинский, автор «Петербургской летописи» высоко оценивал роль петровских преобразований, не утративших, с его точки зрения, прогрессивного значения и для современной ему России и для ее будущего. «И до сих пор, — писал он, — Петербург в пыли и мусоре; он еще создается, делается; будущее

---

¹³ По этому же поводу Кюстину возражал и Белинский, который писал: «Говорят еще, что Петербург не имеет в себе ничего оригинального, самобытного, что он есть какое-то будто бы общее воплощение идеи столичного города и как две капли воды похож на все столичные города в мире. Но на какие же именно? — спрашивал Белинский. — На старые, каковы, например, Рим, Париж, Лондон, он походить не может; стадо быть, это суцая неправда» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. VIII, с. 394).

его еще в идее,¹⁴ но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинают жить. Всё: промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни, — всё живет и поддерживается одним Петербургом».¹⁵

Проблему соотношения в русской действительности патриархальных обычаев с новыми формами общественного быта, вызванными к жизни прогрессивным развитием страны, Достоевский также решал в духе Белинского. «И кто же, скажите, обвинит тот народ, который невольно забыл в некоторых отношениях свою старину и почитает и уважает одно современное, т. е. тот момент, когда он в первый раз начал жить. Нет, не исчезновение национальности видим мы в современном стремлении, а торжество национальности, которая, кажется, не так-то легко погибает под европейским влиянием, как думают многие. По-нашему, цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его. Такой народ может жить, а жизненности и принципа станется для него, на веки веков».

В данном случае автор «Петербургской летописи» исходил из мыслей, развитых Белинским в статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 году» (1847), и, в частности, из высказанного там тезиса: «Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально» (X, 29). Таким образом, возражая Кюстину, Достоевский в то же время полемизировал и со славянофилами. Ратуя за прогрессивное развитие России, толчок которому дал Петр I, Достоевский оказался союзником Белинского, сражавшегося в это время на два фронта: против «фантастической народности» и против «фантастического космополитизма». Однако, будучи союзником критика революционного демократа в борьбе со славянофилами, Достоевский не разделял многих его убеждений. Так, уже в «Петербургской летописи» в суждениях автора обнаруживается, хотя еще и неярко выраженное, стремление под-

---

¹⁴ Ср. у Белинского: «Значение самого Петербурга яснее пока a priori, чем posteriori. Это оттого, что мы всё еще находимся в настоящем моменте нашей истории; наше прошедшее так еще невелико, что по нем мы можем только догадываться о будущем, а не говорить о нем утвердительно. Мы всё еще в переходном положении» (VIII, 412).

¹⁵ Ср. у Белинского: «Петербург есть образец для всей России во всем, что касается до форм жизни, начиная от моды до светского тона, от манеры класть кирпичи до высших таинств архитектурного искусства, от типографского изящества до журналов, исключительно владеющих вниманием публики» (VIII, 397).

черкнуть национальную исключительность русского народа. В отличие от Достоевского Белинский, анализируя путь прогрессивного развития народа, делал акцент не на национальной принадлежности элементов, проникающих в русскую культуру, а на их гуманистической сущности: «...пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно *человеческое*, и, на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого» (X, 19).

Известно, что Достоевский не принял революционную программу Белинского. Автор «Бедных людей», «Двойника», «Хозяйки» занимал особое место среди писателей гоголевского направления, и его художественные поиски не всегда укладывались в рамки эстетической программы натуральной школы. Тем не менее полемика Достоевского с некоторыми концепциями книги Кюстина «Россия в 1839» была одним из эпизодов сложной общественно-политической борьбы того времени, в которой автор «Петербургской летописи» принял участие как соратник Белинского.

И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ

(К статье Л. М. Лотман)

Ф. М. Достоевский, познакомившийся с Н. Г. Помяловским в 1861 г., очень тепло и с большим интересом отнесся к нему. В 1862 г. в журнале «Время» были опубликованы первые два из очерков бурсы: «Зимний вечер в бурсе» и «Бурсацкие типы». Помяловский бывал у Достоевского. Однако знакомство продолжалось недолго. Осенью того же года, когда Достоевский в программном объявлении о подписке на «Время» резко отозвался о демократическом лагере русской журналистики во главе с «Современником», Помяловский порвал с ним.

Но и после этого личность и творчество Помяловского, по-видимому, привлекали пристальное внимание Достоевского. Это хорошо показано в статье Л. М. Лотман «Достоевский и Н. Г. Помяловский», напечатанной в сборнике «Достоевский и его время» (Л., «Наука». 1971). Она видит внутреннее родство замысла романа Достоевского «Пьяненькие», который затем трансформировался в «Преступление и наказание», с незавершенным романом Помяловского «Брат и сестра» в характере изображения ужасов современной социальной действительности. Л. М. Лотман не без оснований предполагает, что самая личность Помяловского могла отразиться в отдельных местах «Преступления и наказания». Наконец, она отмечает сходство одного из центральных эпизодов